

Эндрю Линклейтер

К ПОСТСУВЕРЕННОМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ? (1)

Долгосрочные тенденции к глобальным изменениям, вкупе с недавними потрясениями в Восточной Европе и бывшем СССР, трансформируют политические объединения во всем мире. Процесс глобализации привел к сокращению независимых суверенных государств. Способность национальных сообществ определять темп и направление политических изменений внутри страны и в мире в целом упала. Все больше национальных государств (nation-states) признают необходимость создания более сильных международных институтов - региональных и общемировых. Широкомасштабная миграция превращает сравнительно однородные общества в более сложные полиэтнические общества, испытывающие мощное давление со стороны тех, кто требует считаться с культурным многообразием. Проблемы, создаваемые этническими группами на субнациональном уровне даже в сравнительно однородных государствах Западной Европы, привели к требованиям обеспечить большую политическую автономию на местах. Под действием процессов глобализации и национальной фрагментации, одновременно идущих во всем мире, возникли новые важные вопросы о будущем политического сообщества.

Вызов, бросаемый этими силами, колоссален, хотя выразить его можно просто: это проблема создания новых форм сообществ и гражданства в век глобализации. Рассмотрение альтернативных форм сообщества и гражданства стирает различия между исследованиями международных отношений и изучением внутренней политики и требует новых форм социального и политического анализа. До сих пор политология занималась осмыслением форм политических связей внутри замкнутых сообществ, а наука о международных отношениях - способами взаимодействия этих замкнутых сообществ друг с другом. Фундаментальный вопрос о том, как возникает эта замкнутость и как она изменяется во времени, не исследовала ни та ни другая наука (2). Не было и достаточно глубоких исследований природы социальных связей, одновременно объединяющих членов общества и отделяющих их от всего остального мира. В контексте глобализации и дробления наций природа этой социальной связи стала центральной проблемой социально-политического анализа.

Такой способ анализа меняет традиционное отношение между политологией и наукой о международных отношениях. Слишком часто эти две области исследования считались непересекающимися. Исследователи часто считали, что нормой внутривнутриполитической жизни является тесное сотрудничество - там существуют безопасность и доверие, а нормой межгосударственных отношений является потенциальная конфликтность - там нет безопасности и господствует принцип "каждый за себя". Нормативный анализ вопроса о том, как лучше организовать общество, имеет в политологии длительную историю. А в науке о международных отношениях нормативный анализ, отвечающий на вопрос, как сделать отношения между отдельными государствами более справедливыми, считался занятием утопическим и второстепенным по сравнению с главной задачей - объяснить мир, как он есть. Нормативные исследования стали центральными для науки о международных отношениях, когда аналитики заметили, что контраст между национальным сообществом и межнациональной анархией проведен слишком резко. Вопросы о возможности лучших форм политического сообщества и гражданства обычно ограничивались сферой внутренней политики. Но в современном мире эти вопросы на наших глазах возникают на уровне международной политики и затрагивают судьбы человечества в целом.

Исследования международных отношений медленно освобождались от прежних представлений о неизменности мировой политики. Неудивительно, что в промежутке между двумя войнами и в

эпоху "холодной войны" эта дисциплина сосредоточилась на стратегическом соревновании, хотя даже тогда нормативным вопросам международной политической жизни уделялось гораздо меньше внимания, чем они заслуживали. Конфликты эпохи, наступившей после "холодной войны", показывают, что многие из тем, исследовавшихся реалистами, сохраняют свое важное значение. Однако их концепция дискретного мира, основанного на отношениях между отдельными унитарными государствами, уже неприемлема, как и их вера в то, что этот мир неизменен и застрахован от фундаментальных политических перемен.

Эти аксиомы уже не годятся, потому что изменениям подверглась традиционная основная единица международных отношений - суверенное национальное государство. Во многих национальных государствах на карту поставлены сами принципы политической жизни - этнические группы и группы мигрантов оспаривают господствующие представления о природе и целях политического сообщества. Политика культурной и религиозной идентичности рождает новые вызовы для политических сообществ, а ксенофобия создает новые угрозы для политической стабильности. Под давлением различных конкурирующих между собой сил, порожденным процессом глобализации, все общества вынуждены рассматривать новые принципы мировой политики, пригодные, помимо всего прочего, для решения глобальных экологических и экономических вызовов. Возникает новая проблема: как может приверженность этнической или религиозной группе уживаться с космополитизмом в современную эпоху? Чтобы противостоять сужению политических горизонтов, столь очевидному во многих частях мира, космополитические унастроения нуждаются в здоровой защите; но космополитизм не следует противопоставлять попыткам субнациональных групп и групп мигрантов по-новому переписать общественный договор (*contrat social*) с национальным государством. Одновременное действие факторов глобализации и раздробленности требует новых моделей политической организации и новых концепций политического сообщества, которые установят равновесие между приверженностью к этническим и религиозным общинам и космополитическим идеалом. Чтобы заново определить отношения между субнациональными, национальным и транснациональным измерениями человеческого существования, нужны новые концепции гражданства.

Переосмысление понятия о государстве

Многие из традиционных подходов к международным отношениям не могут справиться с этой проблемой. Некоторые из них - например, неореализм - рассматривают государство просто как данность; на самом деле теория государства в них просто отсутствует. Неореализм исходит из того, что мир разделен на замкнутые общины, и анализирует их якобы неизменную борьбу между собой за безопасность и власть. Наиболее выпукло этот подход сформулирован в "Теории международной политики" К. Уолца, в которой доказывалось, что международная анархия заставляет все государства действовать удивительно схожим образом (3). Самый убедительный контраргумент на это утверждение состоит в том, что эта анархия вовсе не обрекает государства на бесконечное участие в конкуренции и конфликтах и не исключает возможности фундаментальных изменений в международных отношениях. На отсутствие систематической защиты их безопасности государства могут реагировать самым разным способом. Одни государства обеспечивают свою безопасность, создавая угрозу для безопасности соседей; другие пытаются согласовывать со своими противниками эквивалентные уровни безопасности и незащищенности; третьи создают со своими соседями объединения для взаимного обеспечения безопасности, чтобы избежать применения силы в будущих спорах. То есть все зависит от того, какой выбор сделает государство, как оно осуществит свои ограниченные, но вполне реальные возможности действовать по собственному усмотрению. Поэтому в 80-х годах XX в. среди ученых-международников, так же как среди социологов и политологов, наблюдался рост интереса к тому, чтобы заново осмыслить роль государства, вернув его в центр дискуссии (4).

В таком контексте возвращение к осмыслению роли государства имеет особое значение. Его цель - выяснить, какими видят свои обязанности по отношению к "чужакам" правительства и население в целом и какими, по их мнению, эти обязанности должны быть. Выяснить это надо для того, чтобы

понять, как социальные связи, объединяющие граждан государства, формируют их поведение по отношению к "несвоим". Эту основную тему можно проиллюстрировать различными национальными реакциями на проблему беженцев. Такие реакции показывают, как члены общества относятся к чужакам: как к жертвам угнетения, заслуживающим убежища, или как к угрозе социальному порядку, национальной идентичности и т.д. Однако их реакции на появление беженцев говорят не только об их отношении к иностранцам, но и о них самих и о том, каким они видят свое общество.

Рассмотрим случай Германии - ее решение пересмотреть раздел 2 (2) Основного закона, где сказано, что лица, подвергающиеся политическим преследованиям, имеют право на убежище. Этот раздел Конституции свидетельствовал о намерении Германии быть "примерным гражданином" сообщества государств, сложившегося после Второй мировой войны. Массовый наплыв беженцев из Восточной Европы в последнее время привел федеральное правительство к решению ограничить их прием. Но в свете жестокостей, совершаемых в стране по отношению к членам турецкой общины, многие ставят под вопрос законы о гражданстве, дающие преимущества этническим немцам за пределами Германии перед потомками мигрантов, проживающими в стране. Как национальное государство Германию глубоко затрагивают три основных вопроса об обществе и гражданстве, с которыми сталкиваются все национальные государства. Первый: кому должен быть разрешен доступ в такое государство? Уолзер называет это распределением права на жительство внутри общества (distribution of membership) (5). Второй: должно ли предоставляться полное гражданство тем, кто уже допущен в такое государство? (Мы можем назвать это распределением права на гражданство - distribution of citizenship.) Третий: вносит ли национальное государство достойный вклад во всемирные усилия по расселению беженцев? (Мы можем назвать это распределением глобальной ответственности.)

Не только Германии приходится бороться с проблемой беженцев, хотя там эти вопросы стоят, как нигде, остро. Во многих обществах былые представления о природе общества оказываются под сомнением в условиях, когда субнациональные группы, организации мигрантов и коренные народы подчеркивают, что для них традиционные представления сообщества граждан имеют меньшее значение, чем для членов доминирующей культурной группы. Во всем мире все чаще раздаются политические требования в поддержку плюрализма культур. Дело Рушди в Великобритании иллюстрирует некую более широкую тенденцию, когда членам доминирующей общины предлагают переосмыслить прежние априорные представления об исламе, задуматься о таких отечественных установлениях, как закон о богохульстве, и пересмотреть свое отношение к иностранным державам, политическую приверженность которым сильно проявляют мигранты. Такое развитие событий бросает вызов многим традиционным представлениям о природе и целях политического сообщества.

На события влияют и те национальные сообщества, в которых настоятельно стоит вопрос о будущих целях и предпочтительной идентичности. Мы имеем в виду европейскую проблему: должны ли национальные государства стать частью федеративной политической системы, с новым, не национальным, а европейским лицом? В Великобритании, например, в некоторых политических кругах опасаются потери национальной самобытности и суверенитета ради интересов далекой Европы. С другой стороны, некоторые члены субнациональных групп в Великобритании, в том числе многие шотландские националисты, обращают свои взгляды к Европе, надеясь, что она поможет им вернуть утраченные прерогативы и выразить свою политическую самобытность. Некоторые считают, что после "холодной войны" Европа должна расширить свою глобальную ответственность - взять на себя оказание гуманитарной помощи жертвам образования новых государств в бывших социалистических странах - например, в Югославии. Голод и крушение политического порядка в Сомали и Руанде также вынуждают государства брать на себя более широкие глобальные обязательства. Современные глобальные проблемы - в том числе мировая нищета и деградация окружающей среды - вынуждают их задавать себе вопрос: готовы ли они поступиться принципом, по которому они должны в первую очередь заботиться об интересах своих сограждан?

Как мы уже говорили, политические сообщества по-разному решают проблему своей безопасности. Их подход к проблемам приема в свои ряды новых членов, гражданства и обязательств перед мировым сообществом тоже бывает разным - от глубоко ксенофобского до более космополитического. Эти аспекты национальных сообществ, явно подверженные изменениям, до сих пор не получили адекватного анализа при исследовании международных отношений. Необходимость осмысления проблемы войны в XX столетии привела к тому, что особое внимание уделялось не изменениям, а преемственности, не возможностям нахождения справедливого глобального устройства, а препятствиям на этом пути. В результате мы получили в наследство недостаточный анализ того, насколько сильным может быть чувство национальной исключительности, как социальные связи объединяют и разъединяют людей, и отсутствие качественных разработок на тему о том, каким образом переделать эти связи, чтобы создать новые отношения между субнациональным, национальным и международным уровнями. Вот почему так важно заново рассмотреть понятие о государстве.

Меняющийся контекст государственной власти

Современное государство определяют три монопольные прерогативы. Во-первых, государство требует себе монопольного права на осуществление контроля над механизмами насилия. Его легитимность зависит от его способности сохранять мир в обществе и защищать свои владения от угрозы физического насилия и военного вторжения. Во-вторых, государство претендует на право монопольного контроля над налогообложением. Сперва оно претендовало на это право, чтобы финансировать государственный бюрократический аппарат и регулярную армию. В последнее время это право обосновывается тем, что государство обязано перераспределять долю национального дохода для поддержания здравоохранения, образования и обеспечения благосостояния своих граждан. То, что государство взяло на себя эту обязанность, является второй причиной его относительного успеха как политического сообщества. И в-третьих, государство претендует на право определять приоритеты в том, что касается политической приверженности и лояльности. Первоначально оно заявляло об этом своем праве, чтобы быть уверенным, что в случае войны народ сохранит ему верность.

Государства не часто пытались полностью уничтожить субнациональную идентичность и приверженность наднациональным ценностям. За исключением таких государств, как нацистская Германия, современные государства являются добровольными и добросовестными членами сообщества государств и учитывают мнение тех, кто взывает к общности всего человечества, хотя понятия более широкого сообщества и считались чем-то второстепенным. И тем не менее в XX в. вопросы о распределении права на жительство, права на гражданство и международных обязательствах государства решались в основном с позиции национализма; не последней причиной тому была постоянная угроза войны.

До какой степени монополия государства в этих вопросах теряет сейчас свое значение? Будут ли государства отвечать на вопросы о распределении права на жительство, права на гражданство и о международных обязательствах в более интернационалистическом духе? Монополия государства на контроль над механизмами насилия не уменьшилась, хотя оно, чем дальше, тем больше нуждается в поддержании порядка и наблюдении за ним силами международных контингентов в дополнение к усилиям, осуществляемым в рамках своей юрисдикции. Ответственность государства перед международным сообществом за то, как именно оно использует свои силовые ведомства и вооруженные силы, в наш век возросла. Нормы, определяющие права человека, свидетельствуют о росте международного конституционализма; об этом же свидетельствуют и усилия, направленные на то, чтобы ограничить применение силы национальной самообороной или участием в коллективном отпоре агрессору. Как показали события в Сомали, потребность в более сильных международных миротворческих силах поднимает трудные вопросы о субординации и подотчетности. Грань между гуманитарными обязательствами и неокOLONиализмом, безусловно, не является такой уж простой и общепризнанной. И однако, современные дискуссии о гуманитарном вмешательстве вызываются все более распространенными представлениями о том, что государства

должны стать "добропорядочными гражданами" сообщества государств и человечества в целом.

Один из основных вопросов, связанных с монополией государства на контроль над средствами насилия, - является ли примирение (pacification) ведущих держав поворотным пунктом в развитии международного сообщества? Примирение имеет три аспекта. Во-первых, после длительного периода, в течение которого война была основным элементом государственного строительства, во многих современных государствах наблюдается четкая тенденция к переходу правления к людям невоенным. Процент находящегося под ружьем населения устойчиво падал на протяжении всего столетия (6). Во-вторых, войны между великими державами теперь происходят реже, и они в гораздо меньшей степени связаны с территориальными захватами, чем раньше, хотя и стали гораздо более смертоносными по своим последствиям (7). В-третьих, что чрезвычайно важно, в пределах западного сообщества безопасности эти разрушительные войны, вероятно, ныне ушли в прошлое.

Эта анахроничность войн между основными индустриальными державами в период после 1945 г., которую многие считают великой трансформацией нашей эпохи, объясняется несколькими причинами. Некоторые подчеркивают сдвиги в моральном сознании, благодаря которым война считается такой же формой варварского принуждения, как и рабство (8). Другие делают акцент на расцвет торгового государства, вовлеченного в механизмы мировой торговли и инвестиций и находящегося в полной уверенности, что экономический выигрыш можно получить при отсутствии (более того, только при отсутствии) обременительных территориальных захватов (9). Третьи выделяют сдерживающую роль ядерной революции, отмечая, что современные народы предпочитают молниеносный удар затяжной войне, всегда исходя из того, что конфликты будут происходить на безопасном расстоянии от их территории (10).

Сочетание этих причин привело во второй половине века к повышению ответственности современных индустриальных государств перед мировым сообществом за применение насилия. Вероятные последствия того факта, что большие войны ушли в прошлое, глубоки, если учесть, что гибель за родину до сих пор было одной из главных движущих сил, сплачивающих национальные общества. Если фактор силы утратит свое бывшее значение в международной политической жизни, то государству будет труднее поддерживать сплоченность общества. Государство еще оставляет за собой контроль за инструментами насилия, но один из факторов, благодаря которому поддерживалась монолитность суверенных сообществ, ослабевает, особенно на Западе.

Подобные тенденции не являются универсальными. Предположение о том, что западный опыт государственного строительства будет заимствован всеми странами, оказалось ошибочным. Постколониальные государства унаследовали чрезмерно разросшиеся административные инфраструктуры, огромный военный потенциал и низкую конкурентоспособность урбанизированной экономики. Во многих странах власть находится в руках военных. Другие государства, свободные от внешней угрозы, сохраняют мощные вооруженные силы в целях подавления недовольства внутри страны. Таково наследство современных национальных государств во многих регионах мира.

В том, что касается мира, будущее международного сообщества отчасти зависит от того, как миролюбивые государства будут влиять на государственное строительство в более автократических, нестабильных и опасных районах. До сих пор нет ответа на многие жизненно важные вопросы об отношениях между более мирными и менее мирными зонами: сможет ли сообщество государств достичь четкого консенсуса об условиях, при которых можно прибегать к международному вооруженному вмешательству; будут ли предприниматься коллективные действия, чтобы предупредить запугивание и угнетение государствами своих подданных; сможет ли содружество государств противодействовать режимам, пренебрегающим международными правовыми нормами, в получении ими доступа к средствам массового уничтожения и примет ли содружество наций эффективные меры, исключающие насильственное изменение государственных границ? Эти вопросы, связанные с надлежащим распределением глобальной ответственности в современном международном сообществе, поднимают в свою очередь важные вопросы, связанные с

суверенитетом, невмешательством во внутренние дела и стандартами легитимности в этом сообществе.

Право взимать налоги по-прежнему остается за государством, хотя во многих европейских странах, например в Испании, на обладание этой прерогативой претендуют сильные регионы. В будущем неизбежно возникнет давление в пользу того, чтобы разрешить международным организациям непосредственно взимать налоги, избавив их от зависимости от непостоянной доброй воли стран-участниц. Более того, глобализация подорвала изолированность национальных государств. Впечатляющим примером того, как вследствие растущей глобализации экономики, транснационального производства и мобильности колоссальных резервов международного капитала снизилась значимость государственной монополии на налогообложение, служит "налоговый рай" для иностранного капитала. Государства в основном сохраняют за собой монопольное право на взимание налогов и на распределение значительной части национального дохода, но глобализация означает, что замкнутые общества теперь уже не будут воспроизводиться.

Помимо экономического влияния на функцию насилия, глобализация имеет важные последствия для "культуры насилия" в основных промышленных государствах. В XV и XVI вв. воинственные государства не смогли создать в Европе единую империю, которая была бы в состоянии контролировать систему торговых путей между географически далеко разбросанными городами (11). Впоследствии державы-гегемоны создали заморские империи, управляя периферийными регионами, но не смогли подчинить себе центр (core) - европейские метрополии. Но даже этой гегемонии наступил конец, когда капиталы стали перетекать в регионы с дешевой рабочей силой, подрывая тем самым экономический фундамент военной мощи метрополий. В нашем столетии глобализация привела к еще большей диффузии экономической мощи, создав могущественные центры индустрии в некогда периферийных регионах и лишая всякого основания идеи, лежащие в основе имперских завоеваний. Когда великие державы говорят о целях политического сообщества, в их лексиконе уже не фигурирует применение силы для создания заморских империй. Прежние системы государств уничтожались империями, но вполне возможно, что нынешняя система государств будет первой системой, которая эволюционирует к постсуверенному устройству путем не войны, а мира. Значение границ между национальными государствами может стать менее важным, чем между умиротворенным и неумиротворенным миром или между мировой нищетой и мировым богатством.

Суть препятствий на пути более глубоких изменений ясна. Государственная монополия на контроль над орудиями насилия и на право налогообложения не претерпит более существенных ограничений, если одновременно не будет изменений в обязательствах гражданина перед государством и обществом. В конце XX в. способность государства контролировать самосознание человека ослабла, как минимум, по трем причинам. Во-первых, современные общества подвергаются все нарастающему давлению в сторону отказа от представлений о том, что государство должно выражать интересы одной, господствующей нации. Политические движения коренных народов и национальных меньшинств демонстрируют резкое неприятие национал-ассимиляционистских идеологий во всем мире. Во-вторых, эти общества сейчас связаны глобальными коммуникационными и информационными системами, воплощающими собой новые формы социокультурного влияния. Это приводит к разнообразным последствиям. Во многих обществах, притом самых разных, одни элиты и массы с жадностью впитывают "космополитическую культуру современности" (12), а другие - категорически противятся гомогенизирующему или вестернизирующему влиянию глобализации. В одном и том же обществе сосуществуют группы, требующие культурной изоляции, и группы, выступающие за большую открытость этого общества перед внешним миром. Во многих обществах это приводит к острой борьбе за характер связей, объединяющих членов одного общества, и за степень их изолированности от внешнего мира, и в обозримом будущем эта борьба, наверное, продолжится. В-третьих, процессы глобализации затрагивают государства, которые стоят перед болезненными проблемами выбора своей будущей роли в региональных организациях. Политические дебаты о степени региональной интеграции еще резче подчеркивают трудность достижения общего консенсуса по все более запутанному вопросу о

современном и будущем значении национальной самобытности. По этим причинам государства в настоящее время проигрывают в борьбе за право определять и регулировать обязательства гражданина перед государством и за его самосознание.

Короче говоря, стойкость субнациональных культур, уход в прошлое войн между индустриальными державами и отпечаток глобализации, который несут на себе и элитарная мысль, и массовая культура, приводят к тому, что в самосознании людей общество не отождествляется только с суверенитетом государства. Каковы бы ни были межнациональная вражда и этнические "чистки" в бывшей Югославии, долгосрочная тенденция в международных отношениях направлена на создание поликультурных обществ, вписанных в глубокие структуры глобальных экономических и политических взаимозависимостей, - обществ, связанных между собой современной космополитической культурой. Поскольку грани между внутренней и международной политикой ныне стираются, анализ каждой из этих сфер потребует рассмотрения сходных вопросов - вопросов о меняющейся природе социальных связей в менее сплоченных и менее изолированных обществах, возникших в современном мире.

Общество и космополис

Наше столетие подходит к концу, и воистину настало время сформулировать новые принципы политической жизни, порывающие с тиранией понятия о государстве (13). Во многих государствах мы видим поразительную тенденцию: связи между гражданами и государством ослабевают, что создает возможность для появления различных форм общества, при которых возрастает значение субнациональных и транснациональных лояльностей и идентичностей; выразители последних приобретают все больше мест в представительных органах, а их голос звучит все громче и громче. Хотя существует понимание - и по мере того как столетие приближается к концу, оно, может быть, даже растет - всей хрупкости, даже обреченности современных политических общностей; ощущение открытости будущего сейчас значительно сильнее, чем в прошлые десятилетия. К концу века судьба политической общности зависит от исхода противоборства между действиями, ведущими к культурной самоизоляции, и усилиями сделать социальное устройство общества открытым как для субнациональных, так и для транснациональных устремлений. В результате современная система государств стоит на распутье, и это побуждает нас к систематическому переосмыслению природы политической общности. Но вследствие традиционного невнимания к нормативному анализу международных отношений налицо отсутствие глобальных концепций, охватывающих мировое сообщество в целом.

Один из возможных вариантов такой концептуализации начинается с осмысления конфликта между космополитизмом и коммунитаризмом (communitarianism) и устремлен к высшему синтезу (14). В последние годы космополитизм подвергается критике: многие отрицают существование общечеловеческих моральных ценностей. Кое-кто доказывает, что основная политическая ценность, за которую стоит бороться, - это принадлежность к некоему сообществу людей, имеющему свои верования и традиции, отличающие его от других сообществ. Сторонники этих взглядов считают, что глобализация угрожает плюрализму и многообразию сообществ. Стремление к космополитичной политической общности отвергается ими.

Любовь к своей общине может доходить до проявлений ксенофобии в вопросах предоставления права на жительство, права гражданства и ответственности перед мировым сообществом. Воссоздание распадающейся общности путем размахивания национальной символикой, которую не считают своей ни мигранты, ни национальные меньшинства, не имеет морального оправдания, а пренебрежение моральными обязательствами по отношению к "несвоим" - слишком дорогая цена за сплочение собственных граждан. Пользование благами, которые дает община, должно воспитывать уважение к другим общинам, а не такую разновидность космополитизма, сторонники которой надеются, что все национальные различия со временем отомрут. От государств и субнациональных групп требуются действия, а не просто восхищение различиями культур. Именно поэтому от потенциальных членов Совета Европы требуют сделать заявление о принятии на себя обязательства

по защите национальных меньшинств. Признается, что националистические умонастроения имеют право на существование, но при условии, что в полиэтнических государствах будут введены конституционных гарантии для национальных меньшинств. Таким образом, коммунитаризм и космополитизм могли бы уравнивать друг друга.

Необходимо срочно создавать новые международные структуры, для того чтобы государства могли координировать свои подходы к основным глобальным проблемам - таким, как деградация окружающей среды. Космополитический принцип, согласно которому каждый человек, независимо от расы, вероисповедания, пола и национальности, должен иметь, один и только один, голос, должен быть в центре дискуссий о будущем политического сообщества в современном мире. В данном контексте, когда мы говорим о космополитизме, мы имеем в виду не какой-либо из существующих моральных кодексов или образ жизни, который якобы должен стать образцом для подражания, а процедуры разрешения споров между различными группами, которые могли бы стать приемлемыми для всех. Космополитический идеал предполагает, что проблемы политического устройства человечества должны решаться в процессе диалога, от которого никто не может быть априорно отстранен. С точки зрения дискурсивной этики (а данная статья с этих позиций и написана) принципы политической жизни могут быть законными только тогда, если они одобрены - или могли бы быть одобрены - всеми, кого они могут затронуть (15). Это и есть кардинальный аспект идеи мирового гражданства.

Переосмысление понятия о гражданстве

Современные попытки найти компромисс между коммунитаризмом и космополитизмом включают в себя идею о том, что общества должны быть ответственны перед мировым сообществом за свое обращение с национальными меньшинствами; из этой идеи вытекает следующий принцип: представители национальных меньшинств должны иметь возможность подавать жалобы на государство в международные суды. Сюда же относятся и аргументы о возможности преодоления дефицита демократии в Западной Европе с помощью представительства отдельных местностей (регионов) в европейских политических организациях. Предполагают, что с помощью Комитета регионов Европейский союз станет тем механизмом, посредством которого местная самобытность сможет обрести большее представительство и большее число голосов. Эта тема имеет прямое отношение к понятию о гражданстве, традиционно включающего в себя переплетение социальных, экономических и политических прав, с помощью которых члены общества могут оказывать давление на свои правительства.

Представительство национальных меньшинств в региональных организациях может привести к расширению понятия "гражданство", гарантируя социальные и культурные права в постсуверенном демократическом устройстве. Попытки сконструировать постсуверенные концепции гражданства направлены на более полное удовлетворение как прав личности, так и интересов тех культурных групп, к которым может принадлежать эта личность. Современные трактаты о космополитической демократии, доказывающие, что глобализация приводит к уменьшению значения национального гражданства, тоже видят в международных структурах средство защиты индивидуума от злоупотребления властей или от внешних сил, от которых его раньше защищало суверенное национальное государство (16). Ясно, что с ростом глобализации и уязвимости общества со стороны внешних сил, находящихся за пределами его границ и неподвластных демократическому контролю, значение и выгоды национального гражданства стали уменьшаться; отсюда и потребность в расширении прав на гражданство в условиях постсуверенитета. Развитие событий в Западной Европе представляет собой важный шаг в этом направлении. В Договоре о Европейском союзе сказано, что "каждый человек, имеющий гражданство какой-либо из Стран-Участниц, является гражданином Союза". Согласно этому положению, каждый гражданин ЕС имеет "право свободно перемещаться и проживать в пределах территории Стран-Участниц, право (с конца 1994 г.) голосовать и выдвигать свою кандидатуру на местных выборах (для граждан ЕС, проживающих за пределами своей страны), такое же право голосовать и выдвигать свою кандидатуру на выборах в Европейский Парламент, право на дипломатическую защиту со стороны любой из Стран-Участниц

(если сам он находится за пределами ЕС), право обращаться в Европейский Парламент или к омбудсмену ЕС, назначаемому Парламентом" (17).

Самое трудное сейчас - разработать новые формы сообщества, придающие гражданству смысл и назначение, идущие дальше достижений современного суверенного государства. Гражданство - ключевое понятие современного политического сообщества, ибо оно определяет то общее, что есть у его членов, и то, что отличает их от всех других. На нем держались и держатся те формы тесного сотрудничества, которые характерны для современного государства и которых еще не может заменить ни одна из других форм политической организации, влияющих на жизнь миллионов людей. Гражданство существовало в пределах национальных границ, поскольку альтернативного устройства не существовало. В XVIII - XIX вв. государство набирало силы и субнациональные группы стояли перед выбором - бороться ли за сохранение своей власти в местах проживания или смириться с реальностью централистского государства и бороться за демократизацию национальных политических структур. Геополитическая борьба, способствовавшая развитию не конфедеративных, а централизованных государств, разрешила дилемму в пользу второго. Так в XIX в. гражданство стало означать двустороннюю связь между индивидуумом и государством (18). Гражданство было единым для всех. Претензии на то, что меньшинствам могли бы быть предоставлены права на особое гражданство или вообще на транснациональное гражданство, не поощрялись.

В современных государствах гражданство имеет большое значение, поскольку оно включает в себя целый ряд безусловно важных индивидуальных прав человека - юридических, политических и экономических (19). Многие из важнейших политических баталий современности велись за то, чтобы распространить гражданские права на притесняемые группы населения - рабочий класс, этнические и расовые меньшинства, женщин. Однако понятие о гражданстве было одновременно слишком универсалистским и слишком партикуляристским: слишком универсалистским, поскольку не учитывало потребностей национальных меньшинств и коренных народов, и слишком партикуляристским, поскольку большей частью игнорировало интересы неграждан. Утверждение о том, что гражданство слишком универсально, означает, что современным обществам придется заново выработать принципы политической общности, с должным учетом конкретных потребностей более слабых культур. Этот тезис особенно энергично выдвигается в связи с неблагоприятной ситуацией, в которой оказываются коренные народы, когда границы обитания общины явно не совпадают с политическими границами. Этот тезис предполагает, что коренные народы должны иметь право ограничивать въезд на свою территорию, а также ограничивать права представителей большинства на больший политический голос и на приобретение собственности (20).

Разрыв с господствующими представлениями о национальном гражданстве ради признания различий между группами, населяющими современное государство, - это одно измерение реструктуризации современного общества. Не менее важная тема - создание универсального гражданства, дающего международные гарантии соблюдению индивидуальных и коллективных прав. Как было отмечено выше, концепция космополитической демократии предполагает, что демократические права граждан должны теперь осуществляться через региональные политические структуры. Аналогично из тезиса о том, что субнациональные группы должны иметь возможность подавать жалобы на государство в международные учреждения, вытекает другая сторона транснационального гражданства. Следует подчеркнуть, что в этом контексте универсализация прав на гражданство в рамках международных организаций и партикуляризация прав на гражданство в государстве для обеспечения представительства культур различных меньшинств могут идти рука об руку. Новое понятие о гражданстве создаст возможность для преобразования социальных связей, изменения традиционных представлений об отношениях между внутренним и внешним и возникновения новых форм политической организации (21).

Выше основной упор был сделан на предоставляемые гражданством права, но не следует забывать, что гражданство предполагает и обязанности. Хотя обычно мы употребляем выражение

"примерный гражданин", чтобы одобрить достойное поведение какого-нибудь индивидуума, уже известны прецеденты, когда о государстве, выполняющем свои глобальные обязательства, отзывались в весьма схожих выражениях (22). Эти прецеденты касаются обязательств государства по отношению к сообществу государств и человечеству. Создание новых типов гражданства, с тем чтобы такая приверженность более широким сообществам стала глубже, - задача сложная, и не в последнюю очередь из-за огромных культурных различий между отдельными частями мира и большой разницей в политических и экономических интересах между миром богатства и миром нищеты.

Во многих обществах связи между гражданином и государством, может быть, и ослабевают, но нет оснований полагать, что основным результатом этого процесса будет рост интернационализма. Глобализация может способствовать взаимопониманию благодаря распространению информации о других культурах, но может приводить к увеличению экономического неравенства и антагонизма культур различных групп населения. На Западе глобализацию часто приветствовали как силу, освобождающую человека из плена провинциальных культур и порождающую чувство принадлежности к культуре космополитической. Факты свидетельствуют, что глобализация не приведет к созданию единого мира с единой культурой, равно справедливой для всех. Стоит вспомнить, что выдвигавшаяся стоиками концепция всемирной общины, которая должна была прийти на смену обреченному греческому полису, не имела успеха потому, что их видение всемирной общины не находило поддержки в сколько-нибудь широко распространенном понимании идеи "жизни, в которой участвуют все" (23). Глобализация может укрепить мнение о том, что жизнь, в которой участвуют все, - это как раз жизнь отдельной нации или религиозной общины. Неравномерное экономическое развитие может оживить национальные привязанности, ибо неимущие ищут в государстве защиту от негативных последствий глобализации. Страх перед культурным империализмом, борьба с импортной продукцией и беспокойство по поводу наплыва больших масс мигрантов и беженцев - вот те мощные силы, которые поддерживают традиционный образ общины.

Один из самых важных аспектов глобализации связан с тем, что Хантингтон называет отношениями между Западом и остальным миром (24). Если кто-нибудь думает, что глобализация означает, что различные общества вовлечены в глобальные процессы, одинаково влияющие на все эти общества, то он заблуждается. Глобализация служит распространению западных образов, символов и ценностей через транснациональные средства массовой информации и рекламные агентства, но в то же время подвергает экономику западных стран мощной конкуренции, возникающей в результате бурного экономического роста в таких регионах, как Юго-Восточная Азия. На протяжении многих столетий Запад считал, что он воплощает собой ту нормативную цель, которую незападные общества должны принять в качестве собственной цели. В XIX и XX вв. многие на Западе были уверены, что их долг - готовить незападные народы к вхождению в сообщество государств. В эпоху деколонизации многие полагали, что национализм - это в основе своей восстание народов, стремящихся к единой цели и проходящих схожие пути экономического и политического развития. Такие представления до сих пор еще не изжиты, но удивительно то, как старомодно они теперь выглядят.

С отстранением неевропейских народов от международного сообщества во многом покончено, и тенденция к большему культурному многообразию международной системы теперь неоспорима. Та стадия постколониальной истории, когда многим казалось, что националистические восстания - это восстания народов, мечтающих жить по единым принципам, по-видимому, закончилась (25). Западная Европа, возможно, является лабораторией, где идет эксперимент по созданию постсуверенных политических сообществ, в которых субнациональные, национальные и транснациональные принадлежность и интересы обретут больший политический голос, но трудно себе представить, что такие модели сообществ будут развиваться в других регионах или возникать в глобальных масштабах. Политический баланс между различными лояльностями понятен, когда группы принадлежат к одной цивилизации, а жизненный уровень у них сопоставим; но там, где речь идет о резких культурных различиях и существенных экономическом и политическом неравенстве,

такой баланс представить трудно. В этом контексте основная трудность - придать идее интернационализма содержание, вытекающее из признания необходимости справедливого отношения между цивилизациями в постъевропейском сообществе государств (26).

На вопрос о том, каким образом сильные государства и регионы мира могут стать добропорядочными гражданами международного сообщества, ответы бывают разные. Некоторые ставят акценты на том, что ключевым элементом международной гражданской добропорядочности государств должно стать растущее в наши дни признание того, что люди повсеместно не должны страдать от голода (27). Другие ставят на первый план необходимость помочь "обанкротившемуся государству" или прийти на помощь жертвам нарушений прав человека или геноцида (28). Третьи подчеркивают необходимость борьбы за международную экономическую справедливость и передачи технологий для ограничения ущерба, наносимого природной среде экономическим развитием. Ни один из этих вопросов не может рассматриваться отдельно от вопроса о культуре. Сильные государства и регионы, стремящиеся способствовать установлению международной социальной справедливости, могут быть обвинены в безразличном отношении к чужим культурам. Западу необходимо отказаться от представлений о превосходстве западной культуры и от этноцентрических интерпретаций чужих культур как "ориентализм" (29). Какими бы существенными ни были достижения Запада в том, что касается разработки ныне распространенных понятий о правах человека и демократии, Запад часто попадал впросак из-за недооценки различия культур и нередко бывал враждебен к таким различиям. Западу, как и другим цивилизациям, не хватает умения разговаривать со всеми на равных, хотя о необходимости большей терпимости к культурным различиям сейчас много говорят (30). Поэтому так важна наметившаяся в некоторых регионах тенденция к отходу от национал-ассимиляционистских идеологий в сторону подлинно поликультурного общества. Она обещает нам в будущем общества, восприимчивые к культурному измерению международных отношений и лучше подготовленные к тому, чтобы облачиться в мантию доброго гражданина международного сообщества постсуверенной эры.

Выводы

На исходе XX в., для того чтобы жить цивилизованно, людям по-прежнему требуются государства, но государства, уже ревниво не защищающие свои традиционные права от малейшего посягательства, более терпимые к субнациональным группам, сознающие ценность различных форм жизни и уже не склонные противиться росту транснациональных политических лояльностей. В наше время другим политическим ассоциациям недостает организационных возможностей государства, но может статься, что они станут его соперниками в этом важном отношении и в конечном счете заменят его собой. В любом случае крепнущие субнациональные и транснациональные ориентации - это те основы, на которых могут быть выстроены будущие организационные структуры.

Кое-кто может усомниться, захочет ли государство передать власть от суверенного центра субнациональным и транснациональным структурам. Но чего бы ни хотели центральные правительства, логика глобализации и фрагментации уже изменила условия их деятельности и подорвала значение их традиционных монопольных полномочий. Окончательный ответ на вопрос о том, сможет ли государство помешать росту новых политических лояльностей и средоточий власти, возможно, будет получен не сразу. А пока что перед политической теорией стоит задача - отстоять новое видение государства, первоочередной функцией которого - субнациональной, национальной и транснациональной - будет поддержка равновесия между членами разных общин.

Отличаясь от государства прошлого, постсуверенное государство сохраняет за собой одну важную этическую функцию. Всюду, где существуют многообразные общины с различной идентичностью, с неизбежностью возникают конфликты лояльности. Одна из целей политики - разрядить эту напряженность. Посредничество между разными концепциями гражданского долга и поддержание баланса между различными нормами морали изначально считаются одной из главных задач государства. Суверенное государство издавна ассоциируется с задачей уравнивания различных

приверженностей в жизни отдельного национального общества. По-видимому, самой идее нации ничто не грозит - она выживет, но не следует ожидать, что национальные общности сохранят ту свободу действий, которая им была свойственна в прошлом. В мире, где набирают силу проявления субнациональной лояльности, а проявления транснациональной лояльности также не утрачивают привлекательности, функцией государства должна быть гармонизация растущего разнообразия этических сфер, пересекающих субнациональные, национальные и космополитические рамки человеческого существования. Избавившись от худших сторон национализма и суверенитета, государство сможет по-прежнему играть положительную роль в международных делах. Но нам необходимы новые представления о политической организации, чтобы переосмысление понятий гражданства и сообщества, происходящее теперь повсюду в мире, получило четкое направление. В этом контексте особое место должно быть отведено представлениям о постсуверенном политическом сообществе.

1. Эта статья опубликована на английском языке в: S. Kimak (ed.). *The State and Global Politics*. Vol. 2 (*International Relations*). New Delhi. 1995. Она представляет собой расширенный вариант статьи под названием: *Community, Citizenship and Global Politics* // *Oxford International Review*. 1993. No. 5. P. 4 - 7. Некоторые из ее тем развиваются в работе: *Political Community* // Danchev A. (ed.). *Fin de Siecle: The Meaning of the Twentieth Century*. London, 1995.
2. См.: Devetak R. *Incomplete States: The Theory and Practice of Statecraft* // Macmillan G., Linklater A. (eds.). *Boundaries in Question: New Directions in International Relations*. London, 1995.
3. См.: Waltz K. *The Theory of International Politics*. Reading (Massachusetts), 1979.
4. См., в частности, работы Теда Скокпол (T. Skocpol), Чарлза Тилли (Ch. Tilly), Питера Ивенса (P. Evans).
5. См.: Walzer M. *Spheres of Justice*. London, 1983.
6. См.: Tilly C. *Coercion, Capital and European States: AD 980 - 1992*. London, 1992. P. 123 etc.
7. См.: Ibid. P. 67.
8. См.: Mueller J. *Retreat from Doomsday: the Obsolescence of Major War*. New York, 1989.
9. См.: Rosecrance R. *The Risk of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. New York, 1986.
10. См.: Mearsheimer J. *Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War* // *International Security*. 1990. No. 15. P. 5 - 56.
11. См.: Tilly. Op. cit. P. 52.
12. См.: Bull H., Watson A. (eds.). *The Expansion of International Society*. Oxford, 1984. P. 435.
13. См.: Bull H. *The Anarchical Society: a Study of Order in World Politics*. London, 1979. P. 267.
14. См.: Brown C. *International Relations Theory: New Normative Approaches*. London, 1992.
15. См.: Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Massachusetts, 1990.
16. См.: Held D. *Democracy: From City States to a Cosmopolitan Order?* // Held D. (ed.). *Prospects for Democracy*. Cambridge, 1993.
17. Цит. по: Wise M., Gibb R. *Single Market to Social Europe: the European Community in the 1990s*. Essex, 1993. P. 309 - 310.
18. См.: Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 2: *The Rise of Classes and Nation-States*. Cambridge, 1993. P. 250 - 251, 354.
19. См.: Marshall T. H. *Class, Citizenship and Social Development*. Westport (Connecticut), 1973.
20. См.: Kymlicka W. *Liberalism, Community and Culture*. Oxford, 1989.
21. См.: Linklater A. *What Is a Good International Citizen?* // Keal P. (ed.). *Ethics and Foreign Policy*. Sydney, 1992; Walker R. B. J. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. Cambridge, 1993.
22. См.: Linklater A. Op. cit. См. также мою работу: *Men and Citizens in the Theory of International Relations* (2nd ed.). London, 1990.
23. См.: Wolin S. *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. London, 1961. P. 434.
24. См.: Huntington S. *The Clash of Civilizations* // *Foreign Affairs*. Vol. 72. No. 3 (Summer 1993): P. 22 - 43.

25. CM.: Bull H., Watson A. Op. cit.
26. CM.: Brown C. The Modern Requirement: Reflections on Normative International Theory in a Post-European World // Millennium. 1988. No. 17. P. 339 - 348.
27. CM.: Vincent R. J. Human Rights and International Relations. Cambridge, 1986.
28. CM.: Helman G. B., Ratner S. R. Saving Failed States // Foreign Policy. 1992. No. 89. P. 3 - 20; Vincent R.J. Op. cit.; Hoffman M. Agency, Identity and Intervention // Forbes I., Hoffman M. (eds.). Political Theory, International Relations and the Ethics of Intervention. London, 1993.
29. CM.: Said E. Orientalism. New York, 1978.
30. CM.: Brown C. Op. cit.; Shapcott R. Conversation and Co-existence: Gadamer and the Interpretation of International Society // Millennium. 1994. No. 23. P. 57-83.